

— А дни тем временем шли, и нескончаемые, казалось, сборы всё же подходили к концу. И тут наша третья батарея отличилась коллективным неповиновением, это произошло буквально накануне дня нашего отъезда. Перед обедом все три наши батареи были выстроены рядом с казармой неизвестно для чего по приказу начштаба полка. Командиры батарей перед этим только что разошлись обедать по домам, за ними послали, и мы ждали в строю, когда они явятся. Стояли очень долго, нас не отпускали, хотелось есть. И тут какой-то бедолага, чуть ли не самый тихий из нас, негромко пробормотал: "Вот, не могли заранее командиров предупредить". На его беду это услышал начальник штаба, прогуливавшийся перед строем. Он ткнул в беднягу пальцем:

— Два шага вперёд! Как фамилия?

— Рядовой такой-то.

— Трое суток ареста!

— Мы обомлели, по рядам прокатился ропот: "За что?"

— Отставить разговоры! Смирно! - заорал начштаба.

— Наш товарищ, понурясь, поплёлся в казарму, забрал шинель и с сопровождающим отправился отбывать наказание, мера которого явно не соответствовала содеянному, да к тому же сборы уже кончались, а ему предстояло оставаться здесь на губе. Командир первого взвода нашей батареи, младший лейтенант Новиков попытался по форме обратиться к начальнику штаба за разъяснениями, но тот осадил его коротким "Отставить! Встаньте на место!" Негодование закипало в нас, по рядам зашелестело: "Остаёмся в строю, пока не явится командир полка! Не подчиняться приказам, стоять на месте!"

— Батареи стояли, разделённые небольшими промежутками, наше решение было передано от соседа к соседу и сообщено двум другим батареям, которые, правда, толком не поняли, что там у нас произошло, но готовы были нас поддержать. А тем временем ни посланные за командирами батарей, ни сами командиры не появлялись; командиры, видать, решили доесть начатое. Надоело ждать и начальнику штаба, он решил развести нас временно на продолжение работ (в этот день мы таскали какие-то брёвна) и отдал соответствующее распоряжение ротному старшине. Тот скомандовал: "Батареи! Направо!"

— Наша батарея не шелохнулась. Не выполнили вначале команду и большинство в двух других батареях, но нашлись слабаки, которые повернулись таки направо, а за ними уже по одному, нехотя, исполнили команду и остальные. Мы же остались стоять, как стояли. Старшина оторопел и, подскочив к нам, заорал:

— Вы что, оглохли, так вашу сья?!

— Требуем командира полка, пусть объяснит, за что арестовали нашего товарища, - отвечали ему из рядов.

— Да вы что, очумели, не соображаете, что делаете? Это вам не Франция или Италия какая-нибудь, чтобы забастовки устраивать! Да вас всех сейчас не на губу, а подальше отправят, под трибунал пойдёте!

— Мы упрямо молчали. Старшина отвёл две сломившиеся батареи, велел им таскать брёвна, а сам умчался в штаб полка. Мы гордо стояли в строю, не сдвинувшись с места, и презрительно посматривали на изменников, уныло носивших мимо нас брёвна. Пришёл кто-то из наших преподавателей и попытался воззвать к нашему благоразумию. Мы сообщили ему ситуацию и своё решение. Вид у нас был непреклонный, плечи друг друга укрепляли наш дух, угрожать нам было бессмысленно. Мы договорились: будут вызывать поодиночке - из строя никому не выходить!

— Наконец, явился капитан Мухин. Узнав, в чём дело, он, как ни странно, не стал ругаться, не пытался командовать, и какая-то тень уважения к нашей смелости мелькнула на его лице. Мухин отправился в штаб и вернулся минут через пятнадцать.

— Ваш товарищ будет освобожден, - объявил он и скомандовал:

___ - А сейчас - направо! и шагом марш - в столовую!

___ Мы чётко исполнили команду и с песней отправились на обед, а, возвращаясь строем обратно, встретили бедолагу, отпущенного с губы, и грянули "Ура!"

___ Гордились мы этой победой ужасно, долго переживали и обсуждали случившееся. Эти полчаса стояния сроднили нас больше, чем все два месяца службы. Из остальных батарей ребята оправдывались, что не все расслышали, в чём дело, но нам теперь уже на это было наплевать. Себя мы испытали!

___ На следующий день капитан Мухин вёл нашу батарею в последний марш к железнодорожной станции. Там мы тепло распрощались с ним. Сборы кончились.

___ Ещё в лагерях я получил от Сашеньки письмо, в котором она писала, что в Лопарской течение её беременности шло не совсем нормально, поднялось давление, отекли ноги - неважно функционировали почки. Возможно, сказалась смена климата, к тому же незаходящее полярное солнце сбивало с нормального режима сна и питания. Сашеньку забрали в больницу в Мурманск на сохранение беременности. В Ленинградце я получил от неё письмо, написанное уже из больницы, в котором она умоляла меня приехать и увезти её отсюда.

___ Буквально на следующий день утром я вылетел в Мурманск вместе с Распоповым, который как раз отправлялся туда в командировку. Нас встретил Пудовкин, магнитолог из Лопарской, и мы все вместе отправились в больницу. Бедная Сашенька, конечно, очень обрадовалась, но боялась, что её не отпустят. Врачи, действительно, не рекомендовали её забирать. "Вот начнёт она у вас рожать в самолёте, что будете делать?" Но мы с Сашенькой, не колеблясь, настаивали, умоляли - ведь она совсем одна здесь, ни родственников, ни знакомых даже в Мурманске, навестить некому, - и её отпустили.

Я в Мурманске с Распоповым и Пудовкиным (шагают впереди). Июль 1965 г.

В тот же день вечером мы улетели в Ленинград. Сашенька всегда плохо переносила полёты, а тут в её положении ей было тем более нелегко, но радость освобождения из заключения помогла благополучно перенести перелёт. В Ленинграде мы провели вместе всего лишь два дня, наполненные нежным отношением друг к другу. Был конец июля, стояла прекрасная солнечная погода, мы понемногу гуляли, даже ходили в кино. Было решено ещё в Мурманске, что, не задерживаясь в Ленинграде, дабы не попасть в больницу здесь, Сашенька отправится в Калининград под опеку моей мамы. Мне же предстояло уехать на геологическую практику в Крым. Роды ожидалось где-то не раньше чем через месяц, к этому времени я собирался приехать в Калининград.

(продолжение следует)